

УДК 614.81

Трудовые мигранты из Китая на Дальнем Востоке России и «антинаркотическая» политика российских властей накануне и в годы Первой мировой войны

В.В. Синиченко^а, Р.А. Изаксон^б

Восточно-Сибирский институт МВД России, ул. Лермонтова 110, Иркутск, Россия

^а v.v.sinichenko@bk.ru, ^б raysa@mail.ru

Статья поступила 28.05.2017, принята 16.07.2017

В статье рассматривается проблема наркотизации общества в период Первой мировой войны, связанная с использованием так называемого «желтого труда», т. е. привлечения Россией китайских и корейских разнорабочих. С одной стороны, иностранные рабочие позволяли решить текущие экономические проблемы, обусловленные нехваткой рабочих рук, с другой — порождали целый пласт проблем социального и правоохрнительного плана, в частности, связанных с потреблением и распространением наркотических средств.

Ключевые слова: трудовая миграция; «желтый труд»; китайцы; корейцы; Первая мировая война.

Labor migrants from China in the Russian Far East and the "anti-drug" policy of the Russian authorities on the eve and during the First World War

V.V. Sinichenko^а, R.A. Izakson^б

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 110, Lermontov St., Irkutsk, Russia

^а v.v.sinichenko@bk.ru, ^б raysa@mail.ru

Received 27.05.2017, accepted 16.07.2017

The article deals with the problem of the narcotization of the society during the First World War, associated with the use of the so-called "yellow labor", that is, the involvement of Chinese and Korean handymen by Russia. On the one hand, foreign workers made it possible to solve the current economic problems related to the shortage of workers, on the other hand, they gave rise to a whole layer of problems of the social and human rights plan, in particular, related to the consumption and distribution of narcotic drugs.

Key words: labor migration; "yellow labor"; Chinese; Koreans; World War I.

В период с 1912 по 1914 гг., накануне Первой мировой войны, доля «желтого труда» — иностранных рабочих — в горнодобывающей промышленности русского Дальнего Востока выросла на 7 % [6, с. 14].

Золотопромышленники предпочитали китайских и корейских рабочих, так как те сами строили себе жилища, работали без использования дорогостоящей техники, за свой счет вели подготовительные работы (снимали торф) [8, с. 60].

Дело доходило до того, что русские предприниматели предпочитали сдавать китайцам прииски, а сами не столько собирали золото, сколько закупали продовольствие и реализовывали его китайцам по завышенным ценам [8, с. 59].

В результате в 1914 г. численность китайских рабочих составляла на золотых приисках Забайкалья 76 %, в других отраслях горного дела — 29,1 %, а во всей промышленности края — 36,1 % работников [8, с. 61].

В количественном отношении в начале 1914 г. на Дальнем Востоке насчитывалось примерно 246,1 тыс. рабочих (в том числе в Амурской области 94,5 тыс., Приморской — 123,2 тыс., Камчатской — 16,04 тыс., Сахалинской — 2,35 тыс.), т. е. около четверти (24,9 %) от численности населения региона.

Во 2-й половине 1914 г. в России призвали на военную службу всех годных по состоянию здоровья и не имеющих льгот запасных нижних чинов, новобранцев (700 тыс. 20-летних мужчин) и большую часть ратников ополчения 1-го разряда. В 1915 г. состоялось шесть наборов новобранцев и ратников 1-го и 2-го разрядов, в 1916 г. — еще шесть, до марта 1917 г. — два. До войны в русской армии насчитывалось 1 423 тыс. чел., в ходе нее призвали 13 млн 700 тыс. Под ружье поставили в общей сложности 15 млн 378 тыс. чел. В армию ушла половина трудоспособных мужчин (474 на 1 000 чел.); из каждой сотни крестьянских хозяйств убыло 60 мужиков самого трудоспособного, «тяглового» возраста, поэтому более половины дворохозяйств остались без кормильцев. Это было характерно как для России в целом, так и ее тыловых районов [15, с. 20].

В целом количество призванного в армию мужского населения на русском Дальнем Востоке составляло немногим более 100 тыс. чел. [2, с. 163–166], что не достигало даже 1 % от общего количества призванных в вооруженные силы за все время мировой войны [11, с. 18].

Тем не менее, для немногочисленного крестьянского населения Дальнего Востока, являвшегося основным «поставщиком» призывных контингентов, мобилизация стала серьезной тяготой. Если в среднем по Российской империи удельный вес взятых в армию составлял 11,2 % всего крестьянского населения, 22,6 % от числа всех мужчин и 47,8 % от числа трудоспособных мужчин крестьянского населения, то в Приморской области эти показатели соответственно равнялись 10,8 %, 20,1 % и 43,4 %, а в Приамурской области достигли еще больших величин — 12,5; 23,5 и 55,8 % [11, с. 21].

Таким образом, во 2-й половине 1914 г. на Дальнем Востоке сложилась ситуация, требующая еще большего применения «желтого труда», чем ранее.

21 июля 1914 г. Советом министров Российской империи было принято решение о «временном приостановлении действия запретительного правила о найме в пределы Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства на работы лиц, состоявших в иностранном подданстве». Это решение было принято по инициативе Главного управления землеустройства и земледелия (ГУ-ЗиЗ), внесшего проект приостановления закона от 21 июня 1910 г. [14, с. 189].

Однако двойственность политики России в отношении «желтого труда» выразилась в том, что, разрешив труд на казенных предприятиях, в августе 1914 г. в Иркутск и Хабаровск по линии МВД был спущен ряд директив по принятию мер к борьбе с китайскими шпионами Германии и Австро-Венгрии. Региональная администрация в лице генерал-губернатора Приамурского края поспешила воспользоваться неразберихой в первые месяцы войны и провести в жизнь свои планы. Постановлением № 635 от 23 октября 1914 г. приисковой администрации под страхом уголовного наказания воспрещалось допускать проживание беспаспортных китайцев и корейцев [1, д. 999, л. 10, 14].

В результате в начале 1915 г. золотодобыча сократилась в Амурской области на 34 %, в Приморской — на 11 % [5, с. 320].

Золотопромышленники, напротив, всеми способами боролись за допуск к работам китайцев и корейцев. Так, совет съезда зейских золотопромышленников телеграфировал в МИД, что национальные паспорта китайских рабочих не удостоверяют личности владельцев, поскольку они ими свободно обмениваются, поэтому совет ходатайствует об отмене изданных Приамурским генерал-губернатором правил, которые обязывали китайского рабочего сдать визированный национальный паспорт. Предприниматели просили допускать иностранных рабочих лишь по русскому билету на жительство. При этом рекомендовалось продлить срок его действия на два года [1, д. 1056, л. 7 об.].

10 ноября 1914 г. комиссия по золотым делам Министерства торговли и промышленности (МТиП) России предложила принять меры «по облегчению допуска китайских от-

ходников на золотые промыслы Приамурья». Для этого рекомендовалось создать особое «Бюро китайских приисковых рабочих», которое бы вербовало китайцев на работу в Россию. Было предложено отменить визирование китайского национального паспорта и разрешить отсрочку в выборке русского ½ годового билета на жительство [4].

С 20 по 28 февраля 1915 г. в Николаевске состоялся съезд золотопромышленников Приамурского горного округа.

В заседаниях под председательством окружного инженера Приамурского горного округа принимали участие управляющий Николаевской золотосплавочной лабораторией Л.Е. Чумляков, мировой судья Амгунской системы А.А. Чукашев, горный исправник А.М. Казаринов, чиновник по особым поручениям 6-го класса при переселенческом управлении И.К. Луполов, горный отводчик Г.Н. Феоктистов, податной инспектор Николаевского участка Е.И. Васильевский, золотопромышленники и их представители С.А. Ахтамов, С.И. Сарычев, Н.В. Шильников, С.А. Павлов, А.Д. Затонский, В.Д. Поздеев, П.Д. Поздеев, А.С. Масюков, С.П. Кузьмин, К.А. Ким, Г.И. Ланаган и М.И. Хаймович.

Общее количество голосов на съезде было 98. Каждый голос формировался на основе данных о добыче золота в горном округе. Каждые 20 фунтов намытого золота в год давали золотопромышленнику один голос. На съезде в феврале 1915 г. из 98 голосов присутствовали предприниматели, распорядившиеся 83 голосами.

На съезде промышленники обсуждали вопрос хищения золота китайскими рабочими с российских приисков. Отмечалось, что золото активно скупалось германскими фирмами в Тяньцзине, поэтому предприниматели предлагали:

1. Воспретить свободное обращение золота в пределах Приамурского генерал-губернаторства.

2. Повысить цену на золото, принимаемое казенными золотосплавочными лабораториями и Государственным банком.

3. Прекратить выдачу китайцам свидетельств на право покупки золота.

4. Вменить в обязанность полицейским чинам проводить задержание и изъятие у китайцев золота.

5. Выдворять из пределов империи скупщиков золота.

6. Предложить рабочим сдавать золото в приисковое управление [9].

Таким образом, золотопромышленники, с одной стороны, хотели облегчить прибытие китайских и корейских рабочих в край, с другой — ратовали за усиление полицейского надзора за уже работавшими китайцами. Если в первом вопросе их желание вступало в противоречие с деятельностью региональной администрации, то во втором вопросе у золотопромышленников и местных чиновников было полное единодушие.

Итогом совещания золотопромышленников Приамурского горного округа стало то, что совет рекомендовал МТиП совместно с министерством финансов и главным управляющим землеустройством и земледелием выработать меры экономического воздействия на китайский труд в частной промышленности [1, д. 750, л. 128].

Поддержали приморских золотопромышленников и амурские. В телеграмме совета съезда зейских золотопромышленников от 5 мая 1915 г. предлагалось не только отменить в качестве необходимого миграционного документа национальный паспорт, но и не наклеивать фотографические карточки на русские билеты [1, д. 1060, л. 5].

Как отмечает исследователь Е.И. Нестерова, с началом войны об изменении существующих паспортно-визовых правил ходатайствовали центральный военно-промышленный комитет при совете съезда амурских и бураинских золотопромышленников; исполнительный совет 2-го Всероссийского съезда золото- и платинопромышленников [7, с. 191].

В этой связи на следующем заседании Совета министров, которое состоялось 22–30 июля 1915 г., были приняты решения, не только разрешающие, но и упрощающие процедуры найма рабочих-китайцев на российские предприятия [12, с. 74].

Этот вопрос обсуждался в Совете министров 30 июля 1915 г., где посчитали, что военные обстоятельства требуют допуска иностранных рабочих.

В особый журнал Совета министров от 30 июля 1915 г. была внесена запись о необходимости временной отмены паспортной системы «для рабочих желтой расы». Совет постановил отменить для китайских и корейских рабочих российский билет (вид) на жительство, который к 1915 г. стоил 5 р. и приобретался на границе [1, д. 1059, л. 8, 9].

По распоряжению МВД, выполнявшего рекомендации Совета министров, губернаторам и градоначальникам были посланы в августе 1915 г. циркуляры, в которых говорилось об отмене русского билета на жительство. В результате по новым правилам в Россию въехало около 150 тыс. только китайских рабочих, значительная часть которых осталась на русском Дальнем Востоке [1, д. 1059, л. 8, 9].

Однако начавшийся осенью 1915 г. рост численности иностранных рабочих на приисках (в 1916 г. он достиг 82 % от всей численности рабочих в горной промышленности края), хоть и привел к некоторому увеличению золотодобычи в 1916 г., но вызвал, во-первых, неуклонное падение эффективности производства, а во-вторых, породил проблему наркотизации населения края. Китайские рабочие принесли в регион свои бытовые привычки, и прежде всего курение опиума.

На Дальнем Востоке сложились целые организованные преступные группы, снабжавшие китайских рабочих алкоголем и опиумом.

Так, Харбинским полицейским управлением было произведено дознание о противозаконной торговле опиумом и морфием в полосе отчуждения КВЖД Гольдбергом, Карасиком, Виленским, Аккерманом, Делятицким, Ароновым, Ратмеером и другими лицами в числе 484-х человек [3].

Несмотря на собранные дознанием доказательства, изболничавшие Гольдберга в хранении 7 350 г морфия и 42 пудов опиума (у остальных лиц было найдено меньшее количество), возбужденное против них уголовное преследование было прекращено судебными властями за отсутствием состава преступления [3].

18 июня 1914 г. состоялось заседание Особого совета при управляющем Китайской восточной железной дорогой, на котором

рассматривался вопрос «О пресечении торговли в полосе отчуждения железной дороги опиумом, морфием и кокаином и принадлежностями для пользования ими». Совещение открыл председатель — помощник управляющего дорогой по гражданской части, генерал-лейтенант М.Е. Афанасьев. Присутствовали: товарищ председателя пограничного окружного суда, действительный статский советник М.У. Гейнсдорф, заместитель помощника управляющего дорогой по гражданской части, заведующий земельным отделом М.К. Кокшаров, императорский российский консул в Харбине В.В. Траутшольд, прокурор пограничного окружного суда А.В. Сульжиков, помощник начальника службы эксплуатации управления дороги А.О. Максименко, начальник железнодорожного полицейского управления полковник Л.Я. Горгопа, полицмейстер Харбина капитан Р.А. фон-Арнольд, секретарь Особого совета Г.Г. Авенариус. Было принято решение поручить гражданскому управлению КВЖД выработать текст и издать обязательное постановление, на основании которого лица, виновные в привозе, хранении или продаже в городах и поселках территории дороги (без особого разрешения) опиума, морфия, кокаина или принадлежностей для пользования этими продуктами, — будут караться штрафом до 500 р., арестом до 3-х месяцев. Торговые учреждения, где будут обнаружены воспрещенные к продаже продукты, будут закрыты, продукты конфискованы [3].

Однако несмотря на принимаемые меры, отток в армию местного населения и казаков привел к тому, что женщины, оставшиеся на хозяйстве, стали сдавать китайским и корейским рабочим в аренду земельные наделы, на которых те разводили посевы мака. Китайское правительство, обращаясь в российский МИД, писало, что русские подданные без разбора отдавали китайцам и корейцам в аренду земельные участки для макосеяния [13, с. 88].

Наконец, 17 июня 1915 г. по инициативе ГУЗиЗ правительством России был принят закон о мерах борьбы с наркопроизводством. Закон вводил уголовную ответственность за производство и торговлю наркотиками, но вызвал во время реализации на практике мно-

гочисленные недоразумения. Он запрещал макосеяние, но не предполагал уничтожение маковых плантаций. Только по распоряжению Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, взявшего на себя ответственность, плантации мака стали косить.

В течение 2-й половины 1915 г. около 650 китайцев и корейцев были привлечены к уголовной ответственности за производство, хранение и сбыт наркотиков, тюрьмы были переполнены [10, с. 132].

Таким образом, всплеск потребления опиума на русском Дальнем Востоке, появление в империи закона, введившего уголовную ответственность за хранение, транспортировку и потребление опиума, объяснялось тем, что в годы Первой мировой войны на русском Дальнем Востоке появились десятки тысяч «желтых рабочих», ввезенных российскими предпринимателями для восполнения убыли трудовых ресурсов после мобилизации мужчин в армию.

Китайские и корейские рабочие позволяли решить текущие экономические проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук, но порождали целый пласт проблем социального и правоохранительного плана, в частности как потребители наркотиков.

Литература

1. Постановление о паспортно-визовом контроле № 635 от 23 октября 2014 г. // Архив внешней политики Российской Империи: Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1056. Л. 7, об.; Д. 999. Л. 10, 14; Д. 750. Л. 128; Д. 1060. Л. 5; Д. 1059. Л. 8, 9.

2. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.

3. Протокол заседания Особого Совета при управляющем КВЖД // Государственный архив Иркутской области. Ф. 245. Оп. 1. Д. 997. Л. 13.

4. Изаксон Р.А. «Чрезвычайное законодательство» в годы Первой мировой войны и миграционная политика России на территории Восточной Сибири и русского Дальнего Востока // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 121-130.

5. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февр.

1917 г.) / гл. ред. А.И. Крушанов. М.: Наука, 1991. 471 с.

6. Материалы по изучению Приамурского края. Горное дело в Приамурском крае. По отчетам окружных инженеров и другим материалам за 1914 и 1915 гг. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. Вып. 24. С. 17-21.

7. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.): моногр. Владивосток: Изд-во Дальневос. ун-та, 2004. 372 с.

8. Приложение к всеподданнейшему отчету военному губернатору Амурской области за 1912-13 гг. Благовещенск: Тип. Благовещ. губ. управы, 1915.

9. Протоколы заседания X съезда золотопромышленников Приморского горного округа, состоявшегося с 20 по 28 февраля 1915 г. в г. Николаевске // Материалы по изучению Приамурского края. Горное дело в Приамурском крае: по отчетам окружных инженеров и другим материалам за 1914 и 1915 гг. Хабаровск: Тип. Канцелярии генерал-губернатора, 1916. Вып. 24. С. 184-219.

10. Решетнев И.А. Деятельность органов государственной власти Российской Империи по борьбе с правонарушениями иностранных подданных азиатских стран в Дальневосточном регионе (1858-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 217 с.

11. Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 104 с.

12. Синиченко В.В. Воздействие иммиграционной политики России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны (1856-1917): моногр. Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2004. 165 с.

13. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 191 с.

14. Синиченко В.В. Влияние иммиграционной политики правительства России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны: 1856-1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2005. 518 с.

15. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 428 с.